

Пуанкаре Раймон

На службе Франции

**Воспоминания за 9 лет Раймонд
Пуанкаре**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р12

Р12 **Раймон П.**
На службе Франции: Воспоминания за 9 лет Раймонд Пуанкаре / Пуанкаре Раймон – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 531 с.

ISBN 978-5-519-79828-0

Настоящий том соответствует V и VI томам французского издания

ISBN 978-5-519-79828-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Окончание мобилизации, начало концентрации войск. — План XVII. — Вторжение немцев в Бельгию. — Альж вызывает о помощи. — Объявление нейтралитета. — Визиты Жоржа Клемансо. — Американский демарш. — Французы в Эльзасе. — Выжидательная позиция Италии. — Помощь Японии. — Немцы на наших восточных окраинах.

Живительный сон перенес меня на несколько часов в мир, в котором ничего не знаешь о катастрофе, разразившейся над Европой. На рассвете меня разбудили щебетанье птиц и веселые лучи солнца. Мне пришлось сделать усилие над собой, чтобы вернуться к сознанию действительности. Неужели это правда: нам объявлена война? Война! Сорок четыре года назад она во всем своем ужасе предстала предо мною и вселяла страх в душу лотарингского мальчика. Моя родина не только испытала ужасы неприятельского нашествия в 1870 г.; после заключения Франкфуртского мира она подверглась длительной оккупации, и мои первые гимназические воспоминания омрачены зрелищем солдат в острокопечных касках. Население, среди которого я вырос, осталось под гнетущим впечатлением этих кошмарных лет. Но как оно ни страдало при виде Франции, от которой оторвали часть ее тела, оно никогда не стремилось к тому, чтобы в один прекрасный день страна добилась реванша силой оружия; оно понимало всю рискованность этого и знало, что ему пришлось бы расплачиваться больше, чем другим провинциям. Тот же инстинкт безопасности, быть может менее сильный вдали от границы, но в той или другой мере сохранившийся во всей стране, внушал такую же мудрую осторожность почти всему французскому народу. Если союз с Россией с самого начала был благоприятно встречен общественным мнением в целом, то потому, что в нем видели постоянную гарантию против провокаций и угроз его зазнавшегося предшественника — Тройственного союза. В свою очередь Тройственное согласие стало популярным во Франции только потому, что мы видели в нем еще более действительную гарантию против растущей опасности. И вот тем не менее, несмотря на сорок четыре года осторожной и предусмотрительной политики, на нас обрушилось несчастье, которое мы всеми силами пытались предотвратить. Возможно ли это? И что готовит нам судьба?

Я не могу отогнать от себя серьезных опасений. Несомненно, наша дипломатическая ситуация теперь лучше, чем была когда-либо. Несмотря на весьма различный политический режим, Франция и Россия привыкли согласовывать свои дипломатические действия, причем ложных шагов было сделано их дипломатией немного. Ни различие национального темперамента, ни различие конституций, ни очень частые случаи оппозиции со стороны известных традиционных интересов, ни плохое настроение некоторых русских дипломатов не причинили ущерба союзу и не охладили его. Наше сердечное согласие с Англией с 1904 г. мало-помалу расширилось до рассмотрения всех международных проблем, и у нас есть теперь уверенность, что после первоначальных колебаний и медлительности Англия придет нам на помощь на суше и на море, на помощь Бельгии и нам [1].

По не является ли военная подготовка Германии гораздо выше нашей? Закон о трехлетней военной службе, предложенный Брианом и принятый при министерстве Барту [2], в известной мере улучшил наше положение, однако он далеко не оказал еще все свое действие. Кроме того на какой высоте стоит наше военное снаряжение в сравнении со снаряжением наших соседей? К несчастью, критика, с которой выступили в сенате Клемансо и Шарль Эмбер, не совсем лишена основания [3]: у нас мало тяжелой артиллерии, реорганизация нашего военного оборудования задержалась, потому что палаты затянули вотирование займа и чрезвычайных кредитов, которых правительство требовало в согласии со мной. У нас есть четыре тысячи полевых орудий, эти прекрасные 75-миллиметровые орудия, которые недавно выдержали испытание на Балканах, но у них тот недостаток, что они стреляют только по прямой траектории — они не могут подобно германским гаубицам стрелять по закрытым целям навесным огнем, брать цель по кривой линии и обстреливать территорию, оставшуюся вне пределов видимости для обслуживающего персонала. С другой стороны, у нас только триста тяжелых орудий с конной упряжкой, с которыми я познакомился на маневрах 1912 и 1913 гг. Наше производство было сначала форсировано, но потом оно замедлилось за недостатком кредитов. Напротив, немцы, по имеющимся данным, располагают пятью тысячами орудий 77-миллиметрового калибра, полутора тысячами легких гаубиц, двумя тысячами тяжелых гаубиц, дальнобойными орудиями и мортирами различного образца. Конечно этот громадный материал должен обслуживать два различных театра военных действий — Францию и Россию; однако, несмотря на необходимость такого раздела материала, превосходство Германии в области тяжелой артиллерии остается для нас крайне тревожным моментом. Правда, мы можем взять хорошие осадные орудия в крепостях, которым по всей видимости не угрожает опасность, а так как наше побережье по Ламаншу и наше океанское побережье защищены британским флотом, мы можем также черпать из наших морских батарей. Но даже если принять все это во внимание, мы несомненно не будем в состоянии двинуть против неприятеля столько орудий и снаряжения, сколько он пустит в ход против нас.

В какой мере достоинство нашего основного состава и квалификация нашего солдатского материала будут в состоянии исправить и возместить недостаточность нашего вооружения? Военный министр Мессими объявил в совете министров, что он полон веры, но затем, охваченный волнением, он вдруг остановился, закрыл лицо руками и зарыдал. Он тотчас овладел собой и повторил, что победа несомненна. Генеральный штаб со своей стороны выступает перед нами самым уверенным образом. Но кто из нас знает в настоящий момент затаенные мысли своего ближайшего соседа? Если я сам испытываю некоторые сомнения, могу ли я сам себе признаться в них? А главное, позволю ли я, чтобы кто-нибудь другой догадывался о них? Я вынужден не пророчить ни слова, не выдать себя ни единым жестом, чтобы не рисковать ослабить столь высокий и гордый энтузиазм, с которым молодые французы идут навстречу смерти, а их родные стараются скрыть от них свою тревогу при прощании с ними. Но, если воля моя оптимистична, ум мой бывает моментами несколько менее оптимистичен, и не без тревоги я ожидаю первых сражений.

Я вспоминаю, что двадцать лет назад, чуть ли не в этот самый месяц и день, после состоявшегося в Берлине по инициативе Вильгельма II интернационального конгресса по вопросам труда и положения рабочих, Жюль Симон, вместе с Толеном и Бурдо представлявший на конгрессе Францию, посвятил императору полную иллюзий статью, которая впрочем оканчивалась следующими правильными замечаниями¹: „Пам говорят теперь, что наша восстановленная армия стала непобедимой. При этом забывают, что немцы тоже, как и мы, не сидели сложа руки и что теперь речь идет не о войне героической, а о войне научной. Слава, которая прежде завоевывалась храбростью, теперь завоевывается механизмами и количеством“. И далее: „Я утверждаю, что каждый из обоих народов может быть разбит и погибнуть. Я даже боюсь победы, ибо победитель с такой же несомненностью будет вовлечен в катастрофу, как и побежденный“. Когда эти строки появились в 1894 г., я был министром финансов. Они меня очень поразили. Но как они стали близки к истине. С тех пор Германия стала одним сплошным и громадным военным заводом. В сравнении с ее усилиями мы работали весьма посредственно и с прохладцей. За нами наша храбрость и наше право. Но будет ли этого достаточно?

К счастью в эту среду, 5 августа, вся страна следовала только одному лозунгу: доверие! Словно по мановению волшебного жезла по всей стране был осуществлен священный союз (*union sacrée*), который я призывал из глубины своего сердца и окрестил в своем послании к парламенту. Германское объявление войны вызвало в нации великолепный порыв патриотизма. Никогда во всей своей истории Франция не была столь прекрасной, как в эти часы, свидетелями которых нам дано было быть. Мобилизация, начавшаяся 2 августа, заканчивается уже сегодня, она прошла с такой дисциплиной, в таком порядке, с таким спокойствием, с таким подъемом,

¹ „Revue de Paris“, 1 août 1894.

которые вызывают восхищение правительств и военных властей. Она поставит на ноги более трех миллионов семисот восьмидесяти тысяч солдат, в том числе семьдесят семь тысяч человек туземных колоннальных войск. Теперь речь идет о том, чтобы концентрировать для боя эту громадную массу дивизий регулярной армии, дивизий запаса и дивизий территориальной армии. Концентрационные перевозки начинаются немедленно. Они потребуют около двух тысяч пятисот поездов для регулярных войск и закончатся 12-го сего месяца. Затем от 12-го по 19-е последуют четыре тысячи пятисот поездов для запасников и для территориальной армии. До сих пор все протекает на наших железнодорожных сетях с математической точностью, словно одна единая и державная воля руководит всем.

Наша армия будет действовать по боевому плану XVII [4], установленному с 1875 г., т. е. со времени первой тревоги, заданной нам Германией после наших поражений [5]. Он был принят 18 апреля 1913 г. на заседании высшего военного совета в военном министерстве на улице Сен-Доминик под председательством Эжена Этьенна. В прениях приняли участие генералы Жоффр, Галленен, Мишель, По, Марнон, Шоме, Манестрель, де Лапль де Кари, Мепье, Лаффон де Ледеба, де Кюрьер де Кастельно. С целью возможно большего организованного укрепления резервных формирований совет решил отменить бригады из запасных в каждом мобилизованном корпусе и вместо этого прибавить к каждой регулярной дивизии полк запасных из двух батальонов. Совет был того мнения, что необходимо приступить к созданию 21-го армейского корпуса и выполнить в мирное время оборонительные сооружения в районе Туля и Намса, слишком долго откладывавшиеся. Наконец совет единогласно принял решение о выработке нового плана под номером XVII, заключающего в себе следующие диспозиции. Четыре армии в составе восемнадцати корпусов и восьми дивизий запаса сосредотачиваются на первых позициях между Мезьером и Бельфором. Пятая армия в составе трех корпусов размещается на второй линии от Сент-Менегульд до Коммерси. В случае надобности она должна быть готова перейти на первые позиции. Наступление предписано столь быстрое, как только возможно. Мы должны оперировать с обоих флангов, правый — в Лотарингии между лесистыми горными массивами Вогезов и Мозелем по направлению к Тулю, левый — к северу от железной дороги между Верденом и Метцом. Войска, связывающие оба фланга, расположены в верховьях Мааса (Hauts de Meuse) и в Вэвре и должны держать связь между армиями, предназначенными для двух комбинационных атак.

Итак, в силу этого военного плана наша войска должны двигаться на восток и северо-восток. Самое большее — было предусмотрено, что немцы могли бы нарушить нейтралитет Бельгии, чтобы вторгнуться во Францию по правому берегу Мааса. Прежде, в 1911 г., другой план, выработанный генералом Мишелем, допускал гипотезу, что неприятель будет пытаться окружить нас на территории с гораздо большим радиусом. Наш генеральный штаб не желал исходить из предположения, построенного на столь наглом нарушении международного права. Честная, слишком честная ошибка. Мы не

знали и скоро должны были узнать к своему ужасу, что с 1891 г., т. е. с того времени, когда граф Шлиффен заменил Вальдерзее и стал во главе германского генерального штаба, все стратегические концепции Берлина строились на презрении к нейтралитету Бельгии. Генерал фон Мольтке, ставший в 1906 г. преемником Шлиффена, повидимому остался верным главным идеям своего предшественника. Не придется ли нам завтра, в последний момент, изменять наши главные военные диспозиции?

Пока что все идет так, как только можно желать. В печати ни одного диссонанса. Объявлено осадное положение, введена цензура; однако в атмосфере всеобщего энтузиазма ни одна из этих исключительных мер не является действительно необходимой для обеспечения единства в общественном мнении всей нации. Министры без особых усилий дают живой пример согласия; они забыли, что вчера почти все они были моими политическими противниками [6]; они выражают мне горячую преданность; министры, стоящие во главе самых важных ведомств, посещают меня в моем рабочем кабинете несколько раз в день; кроме того мы решили ежедневно собираться под моим председательством в совете министров или в совете национальностей обороны. На этих собраниях с полнейшим доверием друг к другу рассматриваем бесчисленные вопросы, которые ежедневно встают перед нами как за границей, так и внутри страны.

Австро-венгерская монархия, в интересах которой Германская империя объявила войну сначала России, потом Франции, ставит себя в парадоксальное положение: она еще не порвала дипломатических сношений ни с Францией, ни с Россией. Однако она снова приступила к бомбардировке Белграда и произвела военную демонстрацию на Прибое в Санджаке¹. Циркулирует даже слух, что она отправляет на наши границы в обмен за баварские или эльзасские войска свой 24-й инсбрукский корпус и славянские полки². В то же время граф Берхтольд жалуется нашему послу на „варварские высылки“, жертвой которых якобы стали австро-венгерские подданные, проживающие в Париже³; а между тем в этот самый момент граф Сегенш выразил Гастону Думергу благодарность за наше благожелательное отношение к его соотечественникам. Тем не менее граф Берхтольд заверяет Дюмена, что возможность столкновения французских и австро-венгерских войск совершенно исключается. Где правда? У нашего посла сложилось убеждение, что Вена просто старается избежать одновременного разрыва с Россией и Францией, так как транспорты австрийских армий в Галиции еще не закончились.

В ожидании информации о численности наших врагов и об их планах мы вызываем в метрополию наш 19-й альпийский корпус. Он приступает к посадке на корабли и должен пересечь Средиземное

¹ Денеша из Нишпа № 44 Бонна и полковника Фурнье от 4 августа, получена 5 августа.

² Денеша Дюмена № 151 от 5 августа, отправлена в 16 ч. 30 м., получена в 23 ч. 20 м.

³ Денеша Дюмена № 149 от 5 августа, отправлена в 11 час., получена в 14 ч. 25 м.

море под защитой наших эскадр. Впрочем „Верньо“ и „Кондорсе“ не смогут конвоировать его: они должны отправиться на поиски „Гебена“ и „Бреслау“ [1], о которых нам пришлось столько слышать за последние месяцы¹ и маневры которых представляются теперь весьма подозрительными. Вчера, 4 августа, сообщалось, что оба немецких крейсера появились у берегов Алжира.

Один из них бомбардировал Бону, другой — Филиппвиль. Были раненные и убитые.

В то время как наша армия собирается методически провести свою концентрацию, Германия, которая умышленно поспешила со своими объявлениями войны, уже готова начать военные действия и 5 августа в шесть часов вечера приступает к атаке Льежа². Со вчерашнего утра она отправила против Льежа шесть бригад под командой генерала фон Эммиха и три кавалерийских дивизии под начальством генерала фон дер Марвица. Сегодня подверглись бомбардировке форты на правом берегу Мааса. Колонна пехоты переправилась через эту реку, несмотря на канонаду бельгийской артиллерии. Завязались жаркие бои. 7-й корпус германской армии был отбит с большим уроном, но бой снова возгорелся в южном секторе, куда подошел 10-й германский корпус, прошедший форсированным маршем сорок километров. Наш посланник в Брюсселе Клобуковский извещает нас, что король Альберт принял главное командование над бельгийской армией³. Он сообщает нам, что все количество войск, вторгнувшихся в Бельгию, оценивают в сто двадцать — сто пятьдесят тысяч человек; это — пехота, саксонская кавалерия, „гусары смерти“ и брауншвейгские гусары; много тяжелой артиллерии, полевой артиллерии и пулеметов. Ах, почему мы не на той же высоте! Один за другим Льеж и Брюссель обращаются к нам с трогательными призывами прийти им на помощь. Жители и гарнизон валлонского города, находящегося в опасности, ожидают скорейшего прибытия французских войск⁴. Марсельезу приветствуют с восторгом. Штаб коменданта крепости по своей инициативе сообщает населению, что наша армия идет на помощь осажденным. Он требует от нашего главнокомандующего отправить войска в Льеж, а впереди них послать отряд велосипедистов. Наш консул умоляет нас ответить самым срочным образом на обращенное к нам требование о помощи. Несмотря на подавляющее превосходство неприятеля, бельгийцы оказывают сопротивление, героическое сопротивление. Как нам не быть

¹ См. „Union sacrée“, passim.

² Телеграмма французского консула в Льеже Паллю де ла Баррьера от 5 августа 1914 г., отправлена в 8 час. утра, получена в 8 ч. 50 м. Телеграмма из Брюсселя № 39097.

³ Телеграмма № 37480 из Брюсселя от 5 августа, отправлена в 3 ч. 21 м. утра, прибыла в 6 ч. 52 м.

⁴ Телеграмма Паллю де ла Баррьера из Льежа от 5 августа, отправлена в 12 ч. 8 м., получена в 13 ч. 35 м. Телеграмма Клобуковского № 123 из Брюсселя от 5 августа 1914 г., отправлена в 13 ч. 20 м., получена в 13 час. „Histoire de la Grande Guerre“ par Victor Girard (Hachette), p. 93 et suiv.; „Histoire illustrée de la guerre de 1914“ par Gabriel Hanotaux (Gonoulphen), t. III, chap. VIII; „Histoire illustrée de la guerre du droit“ par Emile Hinzpelt (Aristide Quillet), t. I.

потрясенными до глубины души мольбами о помощи, с которыми обращается к нам дружественный город, романский по национальности, языку и традициям, схваченный за горло насильником? Мы хотели бы ответить без промедления отправкой сильного контингента. Военный министр и я сообщаем об этом генералу Жоффри. Он, главнокомандующий, тоже прекрасно понимает, какое важное моральное и политическое значение имеет отправка немедленной помощи. Но требования концентрации неумолимы. Жоффри не может нарушить ее преждевременным снятием войск. Все, что он может сделать, это предпринять спешно двинуться генералу Манжену с одной пехотной бригадой и генералу Сорде с тремя кавалерийскими дивизиями, чтобы замедлить продвижение германских армий через Бельгию. Для защиты Льежа французский генеральный штаб считает невозможным предпринять что-либо. Это невольное бессилие повергло Вивьани, Мессими и меня в глубокое отчаяние, но мы не считаем себя вправе оказывать давление на военное командование в чисто военном вопросе и подчиняемся неизбежному.

Таким образом предумышленность действий германского генерального штаба сказалась с первых же часов войны на том поразительном преимуществе, которое досталось ему над нашими союзниками и над нами. С начала июля он созывает запасных на чрезвычайные сборы, которые должны были начаться 1 августа. С 26 июля он вызывает в гарнизоны отсутствующие части и прекращает очередные отпуска. По мы еще не знаем вот чего: в течение вчерашнего дня в корпус, выступившие в поход, вошли уже все солдаты запаса. Солдаты ландвера в пути и послезавтра будут на своем посту. С 31 июля началась даже концентрация солдат ландштурма, и к 15 августа они все будут на местах. Затем придет черед не отбывавших действительной службы; они составляют особый резерв, так называемый Ersatz-Reserve. Итак, Германия готова много раньше нашего. Она даже бросит на боевые позиции вместе с регулярными войсками контингенты запаса; и в тот момент, когда она наводит территорию Бельгии, мы бессильны защищать нейтралитет, нарушенный ею и гарантированный нами [8].

Зато Бельгия имеет теперь уверенность, что Англия, как и мы, скоро будет сражаться вместе с ней, чтобы отомстить за нее и освободить ее территорию от неприятельского нашествия. Сегодня ночью английское министерство иностранных дел обнародовало ноту, не оставляющую места никакому сомнению: „Ввиду того что германское правительство наотрез отклонило требование правительства его величества дать завершение о соблюдении нейтралитета Бельгии, посол его величества в Берлине получил свои паспорта и правительство его величества объявило германскому правительству, что Великобритания и Германия находятся в состоянии войны начиная с 11 часов вечера 4 августа“.

В Англии такой же энтузиазм, как во Франции; королевская семья стала предметом неоднократных оваций; повсюду патристические манифестации. Центральные державы вызвали против себя единодушное возмущение французского, английского и бельгийского народов.

По мы задаем себе тревожный вопрос: какую позицию займут в вспыхнувшей сейчас войне другие державы, великие и малые, близкие и далекие? Вмешаются ли они в конфликт или укроются под флагом нейтралитета? Япония — союзница Англии. Повидимому она выступит на стороне Тройственного соглашения, но при двух условиях: что военные действия распространятся на Дальний Восток и что британское правительство¹ обратится к нему с соответственной просьбой. Между скандинавскими странами повидимому нет полного единодушия. Дания чувствует себя во власти своего могущественного соседа, который уже раз отнял у нее часть ее территории. Норвегия уже заявила прежде о своей симпатии к Тройственному соглашению; она уверяет нас, что отныне будет соблюдать нейтралитет, какой бы ход ни приняли события². Но как со Швецией? Удалось ли Виврани и мне полностью успокоить в Стокгольме то недовольство, которое последний питал вчера против России? Мы опасаемся со стороны Швеции тенденции принять сторону Германии. Но счастью шведский министр иностранных дел Валленберг — человек умный и рассудительный. Он с удовлетворением отнесся к обязательству, по собственной инициативе принятому на себя британским правительством, соблюдать независимость и неприкосновенность Швеции, если она со своей стороны останется нейтральной. Мы немедленно присоединились к английскому демаршу и потребовали от России поступить таким же образом, чтобы дать возможность Валленбергу противостоять всякому давлению, будь то из-за границы или внутри страны³.

В Берне федеральный совет принял текст ноты, являющейся повторением ноты 1870 г. и прокламирующей нейтралитет Гельветии. Швейцария категорически оставляет за собой право занять в случае необходимости нейтрализованную зону Савойи [9]. Правда, президент швейцарской республики дал знать нашему послу Бо, что этот пункт носит только стилистический характер и является буквальным повторением соглашений 1859 г.⁴; однако хотя притязание наших соседей выдвинуто было лишь на всякий возможный случай, оно несколько покорило население Савойи, так преданное и верное Франции. Представляющие это население в палате депутатов министр Фернанс Давид и товарищ министра Жакье очень недовольны тем, что на пороге этой войны снова выдвигается интернациональная теория, которую они считают неприемлемой и устарелой.

Думерг и Виврани сообщили мне сегодня одно довольно неудачное русское предложение: обещать уже теперь Италии Трентино и Валлоню, если она примет участие в войне против Австрии. Как ни заманчива перспектива окончательно оторвать Италию от Тройственного союза, подобная чрезвычайно преждевременная гарантия, даваемая нами Италии, могла бы повести к следующему неудобству: в случае общей победы требования Италии могли бы быть поставлены на первый план перед возвращением Франции провинций, отторгнутых у нее силой. До объявления нам войны мы продолжали молча

¹ Телеграмма Реньо, французского посла в Токио, от 5 августа, № 18.

² Телеграмма Шевазье из Христиании, № 78.

³ Телеграмма Тьебо от 5 августа, № 43.

⁴ Телеграмма Бо от 5 августа, отправлена в 5 ч. 30 м., получена в 19 ч. 5 м.

терпеть результаты грабежа, жертвой которого мы стали. По теперь, когда агрессия германского правительства сама свела на-нет Франкфуртский трактат, я думаю, не найдется ни одного француза, который не желал бы продолжать борьбу до полной репарации прошлого. Председатель совета министров, министр иностранных дел и я — мы полностью согласны на этот счет. Поэтому французское правительство может согласиться на русское предложение только со следующей категорической оговоркой: „без ущерба для наших национальных требований“. Думерг известит британский кабинет о нашем взгляде по этому вопросу.

С другой стороны, Сазопов предлагает гарантировать Румынии неприкосновенность ее территории в случае, если она сохранит нейтралитет. По он требует от нас — не знаю почему — присовокупить к этому обещанию угрозу на тот случай, если Румыния станет союзницей Австрии. Это было бы недружелюбной резкостью по отношению к стране, которая в настоящий момент находится в хороших отношениях с Россией и всегда находилась в превосходных отношениях с нами. Думерг охотно присоединяется к обещанию, но что касается угрозы, он не дает своего согласия, правильно считая ее нелюбезным приемом.

Проходят часы за часами медленно, тягостно. В течение дня я принимаю в большом салоне послов, которые во всех случаях пользуются свободным доступом: представителей парижской прессы. Вместе со мной председатель совета министров Вивьанн, министр внутренних дел Мальви и военный министр Мессими. Я благодарю печать за поддержку, которую она нам оказывает в момент, когда решается судьба Франции. Военный министр прибавил несколько слов о мобилизации и концентрации наших армий. Журналисты выслушивают нас с волнением. Они явились в большом количестве со всех концов политического горизонта; видно, что они находятся теперь во власти одной идеи. Среди них находится Эрнест Жюде; он ничего не говорит. Альмерейда, редактор „*Bonnet rouge*“, уже приговоренный однажды к тюремному заключению и игравший в последние годы довольно подозрительную роль, держится в стороне в глубине салона, у него странный и таинственный вид.

Меня посетил также граф Альбер де Мен, выдающийся католический оратор, патриотизм которого стоит на уровне его таланта. Он говорит мне, что жестокая болезнь лишает его возможности выступать впрямь с ораторской трибуны, но он отдаст по крайней мере свое перо на службу национальному делу. Он горячо приветствует мое послание к парламенту и сличком благожелательно принимает моему влиянию в качестве президента неожиданные, как он выражается, преимущества нашей дипломатической ситуации. Я отвечаю ему, что наши союзы были подготовлены и укреплены всеми сменявшимися правительствами и что мы пожинаем теперь плоды их долгих усилий.

Аристид Бриан тоже явился в мой рабочий кабинет и вскоре за ним Мильеран. Оба они находят — и не без основания, — что в переживаемую нами тяжелую годину база кабинета Вивьанн несколько узка и ее желательно расширить. Это также мое мнение, и

я не скрыл его от председателя совета министров. Я желал бы, чтобы удалось немедленно образовать настоящее министерство священного союза, в котором были бы представлены и сгруппированы все политические партии. „Но если я открою двери, — говорит мне Вивинни, — будут пытаться пройти слишком много кандидатов, и меня совсем стеснят“. В самом деле, сколько людей совершенно искренне считает, что страна не может обойтись в настоящий момент без их услуг! Имя им легион. Что это? Дух авантюризма? Или чувство долга и самопожертвования? Честолюбие и пустозвонство? Разумеется, мотивы различны, смотря по человеку, но результат остается тот же: все бросается к Вивинни, все горит нетерпением участвовать во власти. Как сообщает мне Бриан, председатель совета министров дал ему понять, что немедленно после окончания сессии парламента — а она только что кончилась — он откажется от сотрудничества Куйба, предложит Бьенвеню-Мартену перейти из министерства юстиции в министерство труда и назначит его, Бриана, министром юстиции. По мой прощательный посетитель полагает, что Вивинни раздумал из боязни вызвать неудовольствие социалистической партии, которая в настоящий момент против такой комбинации. Однако Бриан убежден, что кабинет Вивинни в его нынешнем составе не находится на высоте грядущих событий. Мильеран выражает мне то же мнение с меньшими нюансами. Я держу председателя совета министров в курсе этих разговоров. Он остается при своем мнении, что изменение или расширение состава кабинета было бы сопряжено теперь с риском.

В ночь с 5 на 6 августа в министерстве иностранных дел получены две важных телеграммы из Лондона¹. На заседании британского военного совета, состоявшемся сегодня под председательством премьера Асквита, решено было собраться на другой день в 17 часов и просить наш генеральный штаб срочно прислать одного из своих офицеров; последний должен дать разъяснения относительно диспозиции нашей армии, для того чтобы можно было обсудить самый целесообразный способ использования английского экспедиционного корпуса. Итак, лондонский кабинет наконец энергично решился участвовать в военных действиях на суше и согласовать с нами свои военные операции.

Челверн, 6 август

Утром в моем рабочем кабинете собрались Вивинни, Думерг, Мессими, Оганьер и Мальви. Мы снова беседуем о шагах, предпринятых предо мною Брианом и Мильераном. Председатель совета министров попрежнему высказывает опасение, как бы не вспыхнул министерский кризис, который может затянуться и повести к осложнениям. Однако министр внутренних дел в целях обеспечения снабжения гражданского населения и помощи семьям мобилизованных намерен создать организацию, должностную контролировавшую и расширить работу существующих ведомств. Решено назначить комиссию, в которую войдут Бриан, Мильеран, Делькассе, Марсель Самба, Рибо, Леон Буржуа. Я не думаю, что эта скромная роль удовлетворит честолюбие

¹ № 215 и 216.